

чества с такими проникнутыми идеями пиетизма теологами, как Фишер (при этом в вопросе проповеди Евангелия и совершенствования школьного образования пастору был ближе пиетизм Шпенера, а не Франке). Уже в Москве обнаружили расхождения между ними и Глюком. В частности, резкое неприятие московских (Ю.С. Шаршмидт) и галльских пиетистов (А.Г. Франке и Й.Ю. Брейтгаупт) вызвало предложение ввести в программу школьных занятий уроки танцев и верховой езды, т.е. «телесных упражнений». Глюк оправдывался тем, что эти занятия соответствовали образу мыслей царя, танцы были необходимы для обучения русских европейским манерам, а верховая езда отвлекала юношество от менее безобидных забав (S. 63, 65–66). Собираясь обсудить *flüocue* с православным духовенством, Глюк запросил у Шпенера выписки из сочинений отцов Церкви по данному вопросу, однако в ответ получил письмо некоего богослова (по-видимому, Франке), осуждавшего данное намерение (S. 61–62). Еще большее неудовольствие пиетистов вызвала примирительная позиция Глюка в конфликтах между пасторами новой и старой общин Немецкой слободы и между жителем той же слободы купцом М. Поппе и учителем в его семье К. Рихтером (S. 66–74).

Нельзя не отметить, что за время, прошедшее между конференцией и выходом сборника, работа над биографией Э. Глюка продолжалась, о чем свидетельствует короткая статья К. Шиллер «Имя (имена) Глюка. Биографические заметки» (S. 53–56). Исследовательнице удалось найти запись в приходской книге Веттина, доказывающую, что при крещении Глюку было дано только одно имя – Эрнст. Поэтому не следует именовать пастора Иоганн

Эрнст, как это было принято еще в 2005 г. (соответствующие поправки были внесены во все остальные статьи сборника). Шиллер также удалось уточнить сведения о братьях и сестрах Э. Глюка.

Е.Е. Рычаловский
(Российский государственный архив древних актов)

Примечания

¹ *Glüsk H., Polanska I.* Johann Ernst Glüsk (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005.

² См. донесение предположительно легацион-секретаря при австрийском посланнике Н.С. Хохольдера, датированное 28 сентября 1725 г. и опубликованное А.Ф. Бюшингом под заголовком «Abgestatteter Bericht an den römischkaiserlichen Hof von der rußischen Kaiserin Katharina der ersten Herkunft und Gelangung zum Thron...» (Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1777. V. 11. S. 479–522), записки ганноверского посланника Ф.К. Вебера «Преображенная Россия» (*Weber F. Chr.* Das veränderte Rußland. Hannover, 1740. V. 3), «Разговоры в царстве мертвых» Д. Фасмана (*Fassmann D.* Gespräche in dem Reiche derer Todten. 225. Entrevue. Leipzig, 1737), произведение анонимного автора того же жанра «Der Curieusen Eva Historisch-Politische Staats-Assemblée in dem Reiche derer Todten...» (Leipzig, 1727), пьесы австрийского писателя Франца Краггера «Девушка из Мариенбурга» (*Kratter F.* Das Mädchen von Marienburg. Ein fürstliches Familiengmälde in fünf Aufzügen. Frankfurt, 1795) и «Прутский мир» (*Ejusd.* Der Friede am Pruth. Grätz, 1799), а также летучий листок «Die Gewisse Nachricht, Von Ihro Ruß. Keyserl. Majestät Der nunmehr verblichenen Czaarin Catharina Alexievna, Ankunfft, Glück, Erhebung zum Throne, Leben und Todt, auch letzter Wille und Testament...» (1727).

³ *Winter E.* Halle al Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

А.А. Глушецкий. Колокольное дело в России во второй половине XVIII – начале XX века. Энциклопедия литейщиков. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2010. 588 с.

Колокольное литье в России ведет свою историю с давних времен. Расцвет этого производства пришелся на вторую половину XVIII – начало XX в., когда оформились династии колокольных мастеров, были созданы колокольные наборы знаменитых российских звонниц (ростовской, соловецкой). Возрождение православной жизни в России и, как следствие, колоколотейного дела, настоятельно требует изучения и обобщения имеющегося богатейшего опыта. Основы кампанографии как науки были заложены еще до революции: пер-

вой попыткой проследить многовековую историю развития колокольного литья в России стала недавно переизданная работа Н.И. Оловянишникова (1875–1918) «История колоколов и колоколотейное искусство»¹. Рецензируемая книга А.А. Глушецкого «Колокольное дело в России во второй половине XVIII – начале XX века. Энциклопедия литейщиков» является на сегодняшний день наиболее полной энциклопедией колоколотейного производства.

Не ограничиваясь историей церковных колоколов, автор провел большую научно-

исследовательскую работу о промысле по изготовлению колокольчиков и бубенчиков², которые, как отмечается в исследовательской литературе, являлись «специфически русским явлением, игравшим заметную роль в народном быту»³. Не обошел Глушецкий вниманием и многопрофильные литейные заводы и мастерские, изготавливающие различные металлические и медные изделия. Отдельная глава книги посвящена анализу campanологической литературы, причем автор особо останавливается на историографии промысла по изготовлению дужных колокольчиков, четко разделяя работы всероссийской, региональной и местной тематики.

Специфичным источником по данной теме являются каталоги музейных и частных коллекций колокольчиков. Ситуация с изучением колоколотейного наследия России осложняется двумя факторами: массовой утратой церковных колоколов в годы советской власти, особенно в 1920–1930-е гг., и «оседанием» сохранившихся образцов (колокольчиков, бубенчиков) в частных коллекциях, что в ряде случаев делает их недоступными для исследователей. Поэтому введение Глушецким в научный оборот таких специфических исторических источников, как колокольчики и бубенчики, собранные в самую значительную в Россию (около 4 тыс. предметов) и научно обработанную коллекцию, позволило ему уточнить и, зачастую, открыть для исследователей имена владельцев колоколотейных мастерских и их заказчиков, ответить на многие вопросы, стоящие перед отечественной campanологией. Успешно используя автор и малоизвестные в литературе каталоги и указатели промышленных, кустарных всероссийских и региональных выставок, что позволило выявить колоколотейные предприятия в качестве их участников и призеров, а также датировать их изделия с выставочными медалями и символикой.

Книга состоит из трех частей, в первой из которых дается подробный историко-хозяйственный обзор колокольного дела в рассматриваемый период. В соответствии с устойчивой традицией, восходящей к Оловянишникову и поддержанной советскими исследователями, в частности, Н.Н. Рубцовым⁴, было принято выделять 20 заводов по производству крупных колоколов и 8 – мелких при с. Пурех Нижегородской губ. Общее же число колоколотейных предприятий в Российской империи вообще не поддавалось учету. Глушецкому удалось значительно скорректировать эту цифру. В период с 1864 по 1912 г. он выявил «более 60 предприятий, занимающихся изготовлением колоколов различного назначения, а также колокольчиков и бубенчиков» (с. 20). Однако

остается возможность уточнения числа мелких кустарных мастерских, не поддающихся статистическому учету. Предложенные автором классификации предприятий по объемам производства и по региональному признаку, акцент на экономическую составляющую их деятельности позволили по-новому взглянуть на всю историю колокольного дела. Литье больших церковных колоколов – более доходный бизнес, но требующий больших инвестиций, и к этой стадии в колоколотейном производстве переходили наиболее успешные изготовители дужных колокольчиков.

В историографии неоднократно ставился вопрос о хронологических рамках деятельности колоколотейных заведений⁵. Разночтения касались и времени их основания, что было вызвано несколькими подходами, которые применялись в зависимости от способа создания предприятия: учреждением нового литейного завода, его переходом к другому владельцу, выделением наследников и открытием ими своего дела. Рекламные объявления владельцев заводов, печатающиеся в периодических изданиях рубежа XIX–XX вв., только осложняют эту датировку. Так, например, о колоколотейном заводе братьев Приваловых в с. Гордеевке Балахнинского уезда Нижегородской губ. в рекламе указывалось, что «фирма существует с 1817 г.», между тем в документах Балахнинской уездной земской управы значился 1891 г.⁶

Ключевой из рассмотренных в книге вопросов – персонафикация всех известных на данный момент колоколотейщиков, их династий, выявление биографических данных, объемов производства их заведений, образцов их надписей на дужных колокольчиках. Научная целесообразность такого подхода очевидна для изучения колоколотейного производства, в котором значительную роль играли уникальные умения мастеров ручного труда. Здесь навряд ли применима элементарная формула трансформации кустарного производства в крупную фабричную индустрию, хотя литьем колоколов и колокольчиков успешно занимались как крупные заводы (акционерное общество Крейтон В. и К^о, Нижне-Тагильский завод), так и отдельные кустари.

В колокольном деле и в период модернизации российской экономики рубежа XIX–XX вв. весьма условной была та грань, которая отделяла кустарное производство от фабрично-заводской промышленности. Такие меднолитейные заведения, как Чарышниковых в Балахне, Приваловых в селе Гордеевке, предприятия в селе Пурех, можно причислить к «заводам» весьма условно. Входя в ведение фабричной инспекции, они в то же время гармонично вписыва-

лись в официальную кустарно-промышленную терминологию, разработанную в первые годы XX в., определявшую норму в 20 наемных рабочих, «безотносительно к тому, применяется ли заведением механический двигатель, или нет»⁷. Три таких, имеющих явно «кустарный» характер, заведения даже получили статус товариществ («Торговый дом Ев.Дм. Чарышниковой с сыновьями», «Товарищество Трошина И.М. и Бадянова А.И.» и «Торговый дом Гилева П.И. сыновья») (с. 63–65).

Энциклопедия охватывает 41 губернию, область войска Донского (Екатеринославская губ.) и царство Польское⁸. Центры литья колоколов и колокольчиков Московской, Ярославской, Вятской, Нижегородской (с. Пурех с деревнями), Новгородской (Валдай), Рязанской (Касимов) губ. уже были изучены достаточно хорошо⁹, однако в исследовании колокольного дела отдельных регионов оставались достаточно пространственные лакуны. Автору удалось объединить данные по всем губерниям, разбросанные в различных региональных изданиях. В книге собрано более 900 имен мастеров, владельцев колоколотейных мастерских, заводов и заказчиков «звонкой» продукции.

Как экономист, Глушецкий не мог обойти вниманием вопрос о ценах на колокольную продукцию. Следует отметить, что ранее эта тема в историографии не поднималась. Сопоставив стоимостные показатели, выражающие годовые объемы производства, с натуральными – производством колоколов в пудах, автор приходит к выводу о существенной разнице в стоимостных оценках продукции разных заводов, что объясняется двумя основными факторами: качеством продукции и используемого при отливке сырья (с. 62–63). Удачно дополняют книгу статистические выкладки годовых оборотов, объемов производства, количества рабочих на колокольных заводах, диаграммы, богатейший иллюстративный материал.

Но при всем богатстве представленного в книге материала едва ли можно утверждать, что научно-исследовательская работа по изучению российского колоколотейного про-

изводства закончена. Своих исследователей ждут богатейшие музейные коллекции и архивные документы, а книга А.А. Глушецкого послужит для них хорошей основой.

М.В. Карташова,
кандидат исторических наук
(Балахнинский музейный
историко-художественный комплекс)

Примечания

¹ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912; Переиздание: М., 2003.

² Об этом он ещё ранее издал книгу: *Глушецкий А.А.* России бронзовое слово. О чем говорит дужный колокольчик. М., 2007.

³ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. С. 261.

⁴ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. I. М.; Л., 1947. С. 97.

⁵ См., например: *Ганулич А.К.* К истории производства поддужных колокольчиков в России // Колокола: История и современность. Сборник статей. М., 1985. С. 168–182; *Духин И.А.* И заливается задорно нижегородский бубенец // Памятники отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1985. № 2(12). С. 145–152; *он же.* Валдайские колокольчики // Там же. 1990. № 2. С. 77–79.

⁶ Центральный архив Нижегородской области, ф. 45, оп. 242а, д. 51, л. 1.

⁷ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 143.

⁸ В книгу не включено великое княжество Финляндское, на территории которого существовало три центра по производству колокольчиков (см.: *Лавров О.Б.* К истории производства колокольчиков в Финляндии // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 221).

⁹ *Осокин С.И.* Пурехское меднолитейное производство во второй половине XIX – начале XX в. // Памятники истории и этнографии Горьковской области (Нижегородское Заволжье): Информационные материалы. Горький, 1989. С. 20–28; *Духин И.А.* Колокольные заводы Москвы. М., 2004; *Козлова Л.Г.* Купцы Гомулины // Нижегородский музей. 2006. № 11–12. С. 69–73.

О.С. Нагорная. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с., ил.

На протяжении долгих десятилетий многие сюжеты Первой мировой, или, как ее называют в Европе, Великой войны 1914–1918 гг. оставались вне поля зрения отечественных историков. Это можно объяснить целым рядом причин, основной из которых было стремле-

ние официальной советской историографии принизить ее значение и последствия по сравнению с революционными событиями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной. Крупнейшие специалисты практически всех национальных исторических школ – британ-